

Всеобщая история Ч.1.

ТЕМА: МИНОЙСКАЯ (КРИТСКАЯ) И АХЕЙСКАЯ (МИКЕНСКАЯ) ЦИВИЛИЗАЦИИ

- 1 Минойская цивилизация: возникновение, расцвет, падение.
 - 1.1 Возникновение Минойской (Критской) цивилизации (рубеж 3–2 тыс. до н.э.).
 - 1.2 Расцвет Минойской цивилизации (16 – 1-я половина 15 в. до н.э.).
 - 1.3 Упадок критской морской державы (середина 15 в. до н.э.) и гибель минойской цивилизации.
 - 1.4 Культура Минойского Крита.
- 2 Микенская цивилизация: возникновение, расцвет, падение.
 - 2.1 Возникновение микенской цивилизации.
 - 2.2 Расцвет микенской цивилизации: государственно-политическое устройство, хозяйство, внешние контакты ахейцев.
 - 2.3 Гибель Микенской цивилизации.

Литература

- 1 Геродот. История (в девяти книгах) / Геродот. – Л., 1972.
- 2 Хрестоматия по истории древнего мира: В 3-х частях / под ред. В.В. Струве. – М., 1951. – Ч.2;
- 3 Древняя Греция: учебное пособие для вузов / С.В. Новиков [и др.]. – М., 2006.
- 3 История Древней Греции / В.И. Кузищин [и др.]. – М., 2006.
- 4 История древнего мира: в 3 т. / Под ред. И.М.Дьяконова [и др.]. – М., 1989. – Т.1.
- 5 Бартошек, А. Златообильные Микены / А. Бартошек. – М., 1991.
- 6 Блаватская, Т.В. Греческое общество II тысячелетия до н.э. и его культура / Т.В. Блаватская. – М., 1976.
- 7 Боннар, А. Греческая цивилизация: в 3 т. / А. Боннар. – М., 1962, Т.1.
- 8 Гиндин, Л.А. Гомер и история Восточного Средиземноморья / Л.А. Гиндин, В.Л. Цымбурский. – М., 1997.
- 9 Златковская, Т.Д. У истоков европейской культуры (Троя, Крит, Микены) / Т.Д. Златковская. – М., 1962.
- 10 Колобова, К.М. Греция в III и II тысячелетиях до н. э. / К.М. Колобова. – Л., 1955.
- 11 Кравчук, А. Троянская война: миф и история / А. Кравчук. – М., 1991.
- 12 Лурье, С.Я. Лекции по истории Греции / С. Я. Лурье. – М., 1993.
- 13 Мифы народов мира (в 2-х т.). – М., 1987 и др. изд.
- 14 Флоренсов, Н. Троянская война и поэмы Гомера / Н. Флоренсов. – М., 1991.

1 Минойская цивилизация: возникновение, расцвет, падение

1.1 Возникновение Минойской (Критской) цивилизации (рубеж 3–2 тыс. до н.э.)

Во 2-пол. 3 – начале 2 тыс. до н.э. древними минойцами (так называют жителей Крита до катастрофы 15 в. до н.э., уничтожившей Минойскую (Критскую) цивилизацию) были успешно освоены практически все пригодные для обработки земли, активно развивалось скотоводство. Определённого прогресса в это время достигает и ремесло. Появляются зачатки обмена, а так как сам остров располагался на пересечении многих морских путей, его жители достаточно рано

стали участвовать в международном обмене. Уже в конце 3 тыс. до н.э. на острове появляются первые государственные образования – дворцовые центры. Каждый из них имел своим политическим, экономическим и религиозным центром крупный дворец, вокруг которого группировались десятки небольших сельских поселений. Археологами были вскрыты остатки четырёх таких дворцов – в Кноссе, Фесте, Маллии, Като-Закро. Они были построены на побережье, откуда можно было легко добраться и до моря, и до плодородных равнин.

Период 22–18 вв. до н.э. в общей периодизации Крита получил название периода «ранних», или «старых» дворцов. О нём практически ничего не известно, к тому же примерно около 1700 г. до н.э. центры этих первых раннегосударственных образований на острове были повсеместно разрушены. Это произошло, вероятно, в результате грандиозного землетрясения. Однако природная катастрофа не смогла задержать дальнейшее развитие цивилизации на Крите. С 17 в. до н.э. здесь начинается так называемый период «новых дворцов», о котором известно намного больше, ибо до наших дней дошли остатки грандиозных дворцовых сооружений этого времени, сельских поселений, некрополи.

Первооткрывателем Мinoйской цивилизации считается английский историк и археолог сэр Артур Джон Эванс. Именно ему удалось замкнуть тот круг исследований, которые начал ещё Генрих Шлиман, следствием чего стало появление в науке общего названия исторической эпохи в истории и культуре Греции 3–2 тыс. до н.э. – Крито-микенского периода.

А. Эванс в течение нескольких десятилетий исследовал самый крупный из таких дворцов – Кносский. Он несколько раз перестраивался и погиб в результате землетрясения в 15 в. до н.э. Дворец занимал площадь почти в полтора гектара и имел несколько этажей. В цокольном этаже располагались кладовые – склады ремесленной продукции и запасы продовольствия. Стены его многочисленных помещений были покрыты великолепными фресками, воспроизводившими красоту окружающей природы и сцены из жизни критского общества.

Структурообразующим ядром этого дворцового комплекса являлся, как это было и в эпоху «старых дворцов», центральный внутренний двор, занимавший значительное открытое пространство всего сооружения. Дворец включал в себя жилые комнаты для правителя и его семьи, тронный зал, где происходили государственные, деловые и культовые церемонии, святилища, комнаты для слуг, мастерские ремесленников. В специальных помещениях находились терракотовые ванны, рядом располагались туалетные комнаты. Питьевая вода хранилась в цистернах и поступала во дворец по керамическим трубам. Свет проникал в здание через специальные световые колодцы, прорезавшие все здание сверху донизу.

Во дворце жили представители социальной элиты и обслуживавшие их лица. Простые жители Кносса обитали в небольших домах за территорией дворца. Эти дома были разными по величине, иногда даже двухэтажными. Обычно кладовые, кухня и рабочие помещения располагались внизу, на первом этаже, а жилые и спальные комнаты на втором.

Археологически исследованы ещё три дворцовых комплекса древнего Крита

– в Фесте, Маллии и Като-Закро. Все они были архитектурно организованы по одной схеме и отличаются удивительным сходством своей планировки. Эти дворцы не имели оборонительных стен, их соединяли широкие дороги. Всё это позволяет считать, что правила ими, видимо, представители одной родственной династии и отношения между ними складывались достаточно мирно. От внешней угрозы население острова было защищено естественной преградой – морскими просторами.

Раскопки Кносского дворца осуществлялись весьма тщательно с применением всех научных методик проведения археологических работ, известных во 2-й пол. 19 в. В результате были вскрыты остатки огромного сооружения, куда более величественного, нежели аналогичные сооружения, раскопанные ранее Г. Шлиманом в Микенах и Тиринфе в Пелопоннесе.

Своей планировкой Кносский дворец чем-то напоминал Микенский и Тиринфский, однако не имел оборонительных сооружений. Микенский и Тиринфский же являлись мощными цитаделями, возведёнными на неприступных возвышенностях и окружёнными циклопическими стенами. Центральный двор Кносского дворца окружало огромное число сооружений различного назначения. Они были расположены в таком причудливом порядке и имели такой запутанный план, что Эванс сравнил их с огромным лабиринтом. Он, не колеблясь, заявил, что открыл дворец легендарного Миноса, сына Зевса, отца Ариадны и Федры. Именно Минос, согласно греческой мифологии, был владельцем Лабиринта и хозяином ужасного Минотавра – человека-быка.

Во дворце был обнаружен водопровод, ваннные комнаты, канализационные стоки. Системы вентиляции и освещения были неплохо продуманы. В специальных помещениях стояли огромные тарные сосуды из глины, служившие для хранения зерна, масла, вина, фиников, бобов. Стены залов дворца украшали прекрасные росписи, воспроизводившие окружающую природу или сцены из жизни его обитателей. В других помещениях располагались ремесленные мастерские, где работали ювелиры, гончары, вазописцы. Их изделия, прежде всего, – сосуды и вазы, не имели параллелей в мировом искусстве.

Находки в Кносском дворце иноземных предметов и украшений убедили Эванса в том, что его обладатели очень часто путешествовали и торговали с заморскими странами – Египтом, финикийскими торговыми городами, Вавилонией. Однако самой сенсационной находкой в Кносском дворце стали почти 2 тысячи глиняных табличек со знаками неизвестного ранее письма, названного «линейным». По его характеру найденные таблички Эвансом были поделены на две группы – линейное письмо А и линейное письмо Б. Однако он не спешил опубликовать найденные письменные памятники в надежде на то, что сумеет сам расшифровать их. Однако сделать это у него не получилось.

1.2 Расцвет Минойской цивилизации (16 – 1-я половина 15 в. до н.э.)

Расцвет цивилизации на о. Крите обычно связывают с именем легендарного царя Миноса, которому, как сообщает Геродот, удалось изгнать своих соперников, боровшихся с ним за царство, и объединить весь Крит под своей властью. Не исключено, что деяния, которые традиция приписывала одному правителю, были совершены несколькими царями, носившими имя Минос и

происходившими из одной династии. С другой стороны, есть мнение, что это имя может являться догреческим царским титулом династии, правившей на Крите. В 16 в. до н.э. территория государства Миноса охватывала весь Крит. Кносский дворец являлся административным, политическим и хозяйственным центром всей Критской державы.

Есть основания считать, что критское общество в период своего расцвета имело теократическую форму правления, когда в руках властителя были сосредоточены функции как царя-правителя, так и верховного жреца, имевшего божественное происхождение. Подобная форма правления была достаточно близка к древневосточному типу, с той лишь разницей, что на Востоке религиозная власть хотя и принадлежала монарху, но всё же опосредовалась жрецами и имела собственные храмы. На Крите чисто жреческого сословия не сформировалось, не было и храмов богам как отдельно стоящих сооружений. Для религиозных церемоний использовались святилища, весьма логично и искусно с архитектурной точки зрения, увязанные в планировку дворцового комплекса. Мифология отразила веру древних критян в божественную сущность царя – ведь Минос считался сыном Зевса, который руководил всей его деятельностью.

Великолепные дворцы критских царей, несметные богатства, хранившиеся в их подвалах и кладовых, обстановка комфорта и изобилия, в которой жили сами цари и их окружение, – все это было создано трудом многих тысяч безымянных земледельцев и ремесленников, о жизни которых нам известно немного. Трудовое население, по-видимому, обитало за пределами дворцов в разбросанных по полям и горам мелких посёлках с убогими глинобитными домами, тесно прижатыми друг к другу, с кривыми, узкими улочками. Простой и грубый инвентарь погребений, обнаруженный археологами в глухих горных святилищах, незамысловатые посвячительные дары в виде грубо вылепленных из глины фигурок людей и животных свидетельствуют о довольно низком жизненном уровне минойской деревни, об отсталости её культуры в сравнении с утончённой культурой дворцов.

Можно предполагать, что земледельческое население было обложено натуральными и трудовыми повинностями в пользу дворца. Оно было обязано доставлять во дворец скот, зерно, масло, вино и другие продукты. Все эти поступления фиксировались дворцовыми писцами на глиняных табличках, из которых к моменту гибели дворца в конце 15 в. до н.э. сформировался целый архив, насчитывающий около 5000 документов, а затем сдавались в дворцовые кладовые, где скапливались огромные запасы продовольствия и других материальных ценностей. Руками тех же земледельцев строился и перестраивался сам дворец, прокладывались дороги и оросительные каналы, возводились мосты. Не следует думать, что всё это они делали по принуждению, только потому, что так хотелось царю или его вельможам. Поскольку дворец был главным святилищем общины, элементарное благочестие требовало от простолюдина, чтобы он чтит дарами обитавших в святилище богов, отдавая излишки своих хозяйственных запасов на устройство празднеств и жертвоприношений, а также и сам трудился «во славу божию». Правда, между народом и его богами стояла целая армия посредников – обслуживающий святилище представителей правящей

элиты во главе со «священным царём». Бесконтрольно распоряжаясь запасами, хранившимися в дворцовых складах, эти люди могли львиную долю этих богатств использовать для своих собственных надобностей.

Разумеется, концентрация прибавочного продукта общины в руках дворцовой элиты диктовалась ещё и чисто экономической целесообразностью. Годами скапливавшиеся во дворце запасы продовольствия могли служить резервным фондом на случай голода. За счёт этих же запасов обеспечивались пропитанием ремесленники, работавшие на общину. Излишки же, которым не находилось применения в самой общине, шли на продажу в заморские страны: Египет, Сирию, Кипр, где на них можно было выменять товары, отсутствовавшие на самом Крите: золото и медь, слоновую кость и пурпурные ткани. Торговые морские экспедиции в те времена были сопряжены с большим риском и затратами. Государство, располагавшее необходимыми материальными и людскими ресурсами, было способно организовать и финансировать такое предприятие. Само собой разумеется, что добытые таким путём редкие товары оседали в тех же дворцовых кладовых и уже оттуда распределялись между мастерами-ремесленниками дворца и поселков.

Таким образом, дворец выполнял в минойском обществе универсальные функции, являясь в одно и то же время административным и религиозным центром общины, организатором системы аграрного производства и главным зернохранилищем, мастерской и центром торговли.

Держава Миноса была сильна и на суше, и на море. Геродот и Фукидид повествуют нам о так называемой «талассократии» Миноса, т.е. о его владычестве на море. Миносу удалось уничтожить пиратство в Эгейском море, подчинить своей власти многие острова Кикладского архипелага и даже Аттику, причём с покорённых народов взималась дань. Минойские колонии и торговые фактории, основанные критянами в эпоху правления Миноса, возникают в Лаконике (п-в Пелопоннес, Южная Греция), в Эгеиде, на островах Кикладского архипелага, на о. Родос и даже на побережье Малой Азии (в районе Милета), на побережье Сирии, на о. Сицилия. В это же время критяне завязывают оживлённые торговые и дипломатические сношения с Египтом и государствами сиро-финикийского побережья. На это указывают довольно частые находки минойской керамики в этих районах. На самом Крите были найдены вещи египетского и сирийского происхождения. На египетских росписях 1-й пол. 15 в. до н.э. представлены послы страны Кефтиу (так египтяне называли Крит) в типично минойской одежде – передниках и высоких полусапожках, с дарами фараону в руках. Не подлежит сомнению, что в то время, которым датируются эти росписи, Крит был сильнейшей морской державой, и Египет был заинтересован в дружбе с его царями.

О том, что критские воины во главе с Миносом совершали далёкие морские походы, свидетельствует рассказ Геродота об их походе в далёкую Сицилию. И хотя, согласно легенде, могущественный критский царь потерял там не только свой флот, но и собственную жизнь, всё же эти сведения неплохо иллюстрируют силу морской державы критского царя.

1.3 Упадок критской морской державы (середина 15 в. до н.э.) и гибель

минойской цивилизации

Критская морская держава, пережившая свой расцвет в 16 – 1-й по. 15 в. до н.э., как показали археологические исследования, в середине 15 в. до н.э. неожиданно вступает в полосу своего упадка. На о. Крит обрушилась катастрофа, которую Мinoйская цивилизация пережить не смогла. Её причины до сих пор окончательно не выяснены, хотя значительная часть учёных придерживается мнения, выдвинутого ещё в середине 1930-х годов греческим учёным С. Маринатосом о природном катаклизме, обрушившемся на остров. Ему удалось связать находки россыпей вулканической пемзы из раскопок Амнисса, порта Кносса с грандиозным извержением вулкана на о. Фера (современный Санторин), произошедшего во 2-й пол. 15 в. до н.э.

Хорошо известно, что ни на Крите, ни в ближайшей его округе не существовало ни одного вулкана, который бы действовал либо в древности, либо ныне. А пемза – это вулканический камень, сопровождающий любую вулканическую активность. Ближайшим же местом, где в древности была отмечена вулканическая деятельность, оказался о. Санторин, расположенный в 120 км к северо-востоку от Крита. И если вулканические выбросы с Феры смогли достичь острова, расположенного на столь значительном расстоянии от эпицентра катастрофы, то её масштаб должен был иметь невиданные размеры и последствия.

В 1946 г. на дне моря у северного побережья Крита С. Маринатос обнаружил мощный слой вулканического пепла, химический анализ которого показал его полную идентичность с аналогичными образцами, взятыми с о. Фера.

В 1967 г. Маринатос начал исследования в местечке Акротири на о. Фера. Под двойным слоем вулканической пемзы и пепла здесь были обнаружены остатки крупного города, современного минойскому Кноссу. В ходе археологических работ был вскрыт дворец правителя острова, двух-трехэтажные здания, в которых проживали горожане. Учёных поразили высокохудожественные фрески, украшавшие стены дворца, столь же выразительные, как и фрески дворцовых комплексов Крита. Помещения исследуемого дворца были заполнены культовыми сосудами, священными амулетами, жертвенной утварью. В домах горожан обнаружены сосуды, как местного производства, так и привозные, критские, украшенные традиционным растительным орнаментом.

Так был открыт один из центров островной культуры Эгейского моря эпохи бронзы. Многолетние раскопки показали, что жители Феры, расположенной в сейсмоопасной зоне, первоначально пострадали уже в середине 16 в. до н.э. от сильнейшего землетрясения. Однако эта катастрофа не остановила жизнь на острове. Руины стали отстраиваться заново. Но ещё до завершения этих работ на остров обрушилась новая беда. Примерно в 1520 г. до н.э. опять случилось землетрясение, которое на этот раз разбудило спящий до этого времени вулкан. В небо взметнулись тонны вулканического пепла и пемзы, их многометровый слой полностью скрыл следы жизни. Во все стороны от острова пошли страшные разрушительные волны, достигшие вскоре Крита и ближайших островов. Грандиозная туча пепла завершила эту трагедию. Города Северного и Восточного Крита оказались полностью разрушены. Их гибели способствовало ещё одно землетрясение, уже на Крите, случившееся несколько позже катастрофы на Фере

(около 1460 г. до н.э.).

Из руин сумел возродиться только Кносс, но от его бывшего могущества уже ничего не осталось. Произшедшие в его культуре разительные перемены свидетельствовали о появлении здесь новых поселенцев из материковой Греции, находившихся на более низком уровне общественного и культурного развития, нежели минойцы – ахейцев, которые не сумели остановить упадок Минойской цивилизации. Местное население, сильно деморализованное и уменьшившееся в своей численности, не оказало ахейцам никакого сопротивления. Греки-ахейцы, стали могильщиками Минойской цивилизации. После их вторжения Крит превращается в глухой отсталый уголок тогдашнего мира. Центр прогресса и цивилизации в Эгеиде перемещается теперь в материковую Грецию, ставшую родиной новой, так называемой микенской культуры.

1.4 Культура Минойского Крита

Во время раскопок на Крите археологами найдено множество разнообразных произведений искусства и художественного ремесла, выполненных с большим вкусом и мастерством. Особенно богатыми на находки были исследования Кносского дворца. Многие из найденных вещей были здесь же и созданы – в специальных мастерских, в которых работали ювелиры, гончары, художники-вазописцы и ремесленники других профессий, обслуживавшие своим трудом царя и окружавшую его знать. Особого внимания заслуживает настенная живопись, украшавшая внутренние покои, коридоры и портики дворца. Некоторые из фресок изображали сцены из жизни природы: растения, птиц, морских животных. На других запечатлены обитатели самого дворца: стройные загорелые мужчины с длинными черными волосами, уложенными вьющимися локонами, с тонкой, «осиной» талией и широкими плечами и «дамы» в огромных колоколообразных юбках с множеством оборок и в туго затянутых корсажах, оставляющих грудь совершенно открытой. Одежда мужчин была намного проще. Чаще всего она состоит из одной набедренной повязки. Зато па голове у них красуется великолепный убор из птичьих перьев, а на шее и на руках можно разглядеть золотые украшения: ожерелья, браслеты. Люди, изображённые на фресках, участвуют в каких-то сложных и не всегда понятных церемониях. Минойские художники замечательно владели искусством передачи движения людей и животных. Образцом могут служить великолепные фрески, на которых представлены так называемые «игры с быками». Мы видим на них стремительно несущегося быка и акробата, проделывающего прямо у него на рогах и на спине серию сальто. Смысл всей этой сцены не вполне ясен. Мы не знаем, кто участвовал в этом странном и очень опасном состязании человека с разъярённым быком и что было его конечной целью. Однако можно с уверенностью сказать, что «игры с быками» не были на Крите простой забавой праздной толпы. Это был религиозный ритуал, связанный с одним из главных минойских культов – культом бога-быка.

Сцены игр с быком – единственная тревожная нота в минойском искусстве. Ему совершенно чужды жестокие кровавые сцены войны и охоты, столь популярные в искусстве стран древнего Ближнего Востока или материковой Греции. Произведения критских художников создают впечатление, что жизнь

минойской элиты была свободна от волнений и тревог, и протекала в радостной атмосфере почти непрерывных празднеств. От враждебного внешнего мира Крит был надёжно защищён волнами омывающего его Средиземного моря. Близ острова не было в те времена ни одной значительной морской или иной враждебной державы. Только чувством безопасности можно объяснить тот факт, что все критские дворцы, включая и Кносский, оставались на протяжении почти всей их истории неукреплёнными.

Разумеется, в произведениях дворцового искусства жизнь минойского общества представлена в идеализированном, приукрашенном виде. В действительности в ней, конечно, были и свои теневые стороны. Однако они не получили своего отражения в минойском искусстве. И, видимо, не случайно. Это искусство выполняло важную идеологическую функцию, отвлекая людей от тяготивших их проблем, помогая создавать иллюзию благополучия.

Центральной фигурой минойского пантеона была великая богиня – «владычица», предстающая в произведениях критского искусства в различных своих воплощениях: как грозная владычица диких зверей, как повелительница гор и лесов со всеми их обитателями, как благосклонная покровительница растительности, прежде всего хлебных злаков и плодовых деревьев, или как зловещая царица подземного мира, держащая в руках извивающихся змей. За этими образами угадываются черты древнего божества плодородия – великой матери людей и животных, почитание которой было широко распространено во всех странах Средиземноморья, начиная с эпохи неолита. Рядом с великой богиней, воплощением женственности и материнства, символом вечного обновления природы, мы находим в минойском пантеоне и божество, изображавшееся в образе могучего и свирепого бога-быка, и воплощающее в себе разрушительные силы природы – грозную стихию землетрясения, мощь бушующего моря. На некоторых минойских печатях божественный бык изображён в виде фантастического существа – человека с бычьей головой, что сразу же напоминает позднейший греческий миф о Минотавре. Чтобы умиротворить грозное божество и успокоить, таким образом, разгневанную стихию, ему приносились обильные жертвы, в том числе, по-видимому, и человеческие.

Религия играла огромную роль в жизни минойского общества, накладывая свой отпечаток абсолютно на все сферы его духовной и практической деятельности. При раскопках кносского дворца было найдено огромное количество всякого рода культовой утвари, в том числе статуэтки великой богини, священные символы вроде бычьих рогов или двойного топора – лабриса, алтари и столы для жертвоприношений, разнообразные сосуды для возлияний и др. Многие помещения дворца использовались как святилища – для религиозных обрядов и церемоний (крипты – тайники, в которых устраивались жертвоприношения подземным богам, бассейны для ритуальных омовений, небольшие домашние часовни и т. п.). Дворец был одновременно и храмом. Все его обитатели, включая самого царя, его семью, окружающих их придворных, выполняли различные жреческие обязанности, участвуя в обрядах, изображения которых мы видим на дворцовых фресках.

Поскольку, как уже выше говорилось, на Крите существовала особая, «теократическая», форма царской власти, особа царя была сакрализована, считалась «священной и неприкосновенной». Судя по всему, его было запрещено изображать – среди произведений минойского искусства нет ни одного, которое можно было бы с уверенностью признать изображением царской персоны. Вся жизнь царя и его домочадцев была строжайшим образом регламентирована и поднята на уровень религиозного ритуала. Цари Кносса не просто жили и правили – они священнодействовали. «Святая святых» кносского дворца, место, где царь-жрец снисходил до общения со своими подданными, приносил жертвы богам и в то же время решал государственные дела, это его тронный зал. Он представляет собой небольшую прямоугольную комнату, в которой прямо против входа стоит гипсовое кресло с высокой волнистой спинкой – царский трон. Вдоль стен идут облицованные алебастром скамьи, на которых восседали царские советники, высшие жрецы и сановники. Сами стены расписаны красочными фресками, изображающими грифонов – фантастических чудовищ с птичьей головой на львином туловище. Грифоны же в торжественных застывших позах возлежат по обе стороны от трона, как бы оберегая владыку Крита от бед. Прежде чем попасть в тронный зал, посетители проходили через вестибюль, в котором стояла большая порфиновая чаша для ритуальных омовений: очевидно для того, чтобы предстать перед «царскими очами», нужно было предварительно смыть с себя всё дурное.

При раскопках на Крите, а также на некоторых островах Эгейского архипелага, входивших в сферу влияния минойцев, были обнаружены памятники загадочной письменности. Как и многие народы древности, критяне первоначально (с 21 в. до н.э.) передавали отдельные понятия, слова рисунками, примерно так же, как это делали египтяне при помощи иероглифов. Это письмо принято называть пиктографическим.

Ныне уже доказано, что народы Балканского региона создавали свою письменность почти в то же самое время, что египтяне и шумеры. Употребление разных меток и пиктограмм в III тыс. до н. э. засвидетельствовано там во многих местах. Со временем пиктограммы усложняются, о чём свидетельствуют многочисленные печати из полудрагоценных пород минералов. Первоначально такие печати имели геометрические узоры, в которых преобладал мотив спирали, меандра, лабиринта. Но на Крите уже в 25–23 вв. до н.э. на печатях стали вырезать фигуры людей и животных, что свидетельствует о дальнейшем развитии пиктографических знаков в знаки идеографические, передававшие уже вполне определённое понятие.

Примером подобного рода идеографических знаков служит так называемый Фестский диск, обнаруженный в 1908 г. во время работ итальянских археологов во дворце в Фесте на Крите. Считается, что он относится ко 2-й пол. 18 в. до н.э. Это круг из обожжённой глины диаметром около 16 см, на лицевой и оборотной сторонах которого с помощью специальных штемпелей на сырой глине диска, до его обжига, выдавлены различные рисунчатые знаки, расположенные по спирали. Всего на диске с обеих сторон выдавлено 242 знака, скомпонованных по отдельным группам. Лицевая сторона содержит 31 группу знаков, оборотная – 30 групп. Значение знаков-идеограмм интерпретировать несложно – бегущий

мужчина, цветок растения, женщина с обнажённой грудью, рыба, корабль, треугольник и другие. Попытки расшифровки его текста пока остаются безуспешными, поскольку Фестский диск является единственным памятником представленной на нём системы ранней письменности.

Однако уже к 18 в. до н.э. критяне вырабатывают новую письменность – так называемое линейное письмо или систему линейной письменности, в которой каждый знак в виде линий обозначал слог – отсюда ещё одно его название – линейное слоговое письмо А. На первых порах оно использовалось одновременно с пиктографическим, затем постепенно вытесняет его. Число памятников, записанных этим типом письменности, сравнительно невелико. Это надписи на печатях, различных предметах, пломбах, сосудах и т. п. Наиболее поздние надписи, сделанные линейным письмом А, относятся к 15 в. до н.э. Затем оно выходит из употребления и на смену приходит уже его вариант – линейное письмо Б, позаимствованное у минойцев ахейцами Балканской Греции и широко использовавшееся ими после гибели Минойской цивилизации.

В научных кругах до сих пор дискутируется вопрос о том, на каком языке написаны тексты линейного письма А. Однако не вызывает сомнения тот факт, что язык этой формы письменности не являлся индоевропейским (в отличие от древнегреческого, на котором говорили ахейцы). Скорее всего, это был язык исконных жителей Крита и некоторых других регионов Средиземноморья. Тем не менее, ни у кого не возникает сомнений в том, что таблички, написанные линейным письмом А, являются документами хозяйственной отчётности.

2. Микенская цивилизация: возникновение, расцвет, падение

2.1 Возникновение микенской цивилизации

Создателями микенской культуры были греки-ахейцы, вторгнувшиеся на Балканский полуостров на рубеже 3–2 тыс. до н.э. с севера, из района придунайской низменности. Хотя есть исследователи, которые считают, что грекоязычные племена пришли на Балканы из Малой Азии. Передвижение греков-ахейцев и других, вовлечённых в него племенных групп, на территорию Балканской Греции, их оседание в Средней Греции и на Пелопоннесе не было одномоментным и продолжалось на протяжении нескольких веков на рубеже 3–2 тыс. до н.э. Продвигаясь по территории Греции всё дальше на юг, ахейцы частью уничтожили, а частью ассимилировали коренное догреческое население этих областей. В 17–16 вв. до н.э. в среде пришельцев складываются первые государственные образования с центрами в Микенах, Пилосе, Тиринфе и др. В 15–13 вв. до н.э. эти государства сумели достичь высокого экономического потенциала и политического расцвета. Ахейцы никогда не были политически объединены, но их крепко связывала общая культура, один диалект греческого языка, общие религиозные верования и образ жизни.

На начальном этапе своего развития микенская культура испытала на себе сильное влияние более передовой минойской цивилизации – некоторые божества и религиозные обряды, фресковая живопись во дворцах, водопровод и канализация, фасоны мужской и женской одежды, отдельные виды оружия, наконец, линейное слоговое письмо были заимствованы с Крита. Однако многие характерные особенности микенской культуры позволяют считать, что она

возникла на греческой почве и была преемственно связана с древнейшими культурами Балканского региона эпохи энеолита и ранней бронзы.

Наиболее ранним памятником микенской культуры являются так называемые «шахтные гробницы» в Микенах (северо-восток Пелопоннеса). Первые шесть могил этого типа («круг А») были открыты в 19 в. Г. Шлиманом в черте стен микенской цитадели. Шлиман полагал, что ему удалось найти могилу микенского царя Агамемнона, возглавлявшего поход ахейцев на Троию. Однако он ошибался – эти гробницы датируются 16 в. до н.э., тогда как Троянская война происходила в 13 в. до н.э.

Огромные ценности, обнаруженные в могилах «круга А», показывают, что микенские цари были воинственными и свирепыми людьми, жадными до чужих богатств. Ради грабежа они предпринимали далёкие походы по суше и по морю, и с добычей возвращались на родину. О том, что властители Микен были воителями, свидетельствует исключительное обилие оружия в их гробницах, изображения кровавых сцен войны и охоты, которыми были украшены некоторые из вещей, найденных в могилах, а также каменные стелы, стоящие на самих могилах. Часть вещей очень примитивна по исполнению, что выдает неискусную руку местного микенского ремесленника (примером могут служить погребальные золотые маски), другие являются работой лучших минойских ювелиров.

Позднее в Микенах был открыт ещё один царский некрополь, находившийся уже вне стен цитадели и заключающий в себе 24 могилы примерно того же типа, что и шесть шахтных могил, раскопанных раньше. Погребения были не столь богаты, хотя и в них удалось найти немало ценных вещей, например сосуды из горного хрусталя и янтарные бусы. Самые ранние могилы «круга Б» датируются 2-й половиной 17 в. до н.э. Это позволяет отнести происхождение микенской культуры к более раннему времени, чем считалось прежде. Очевидно, уже в 17 в. до н.э. в Микенах существовало примитивное государство, в котором правящая верхушка и, прежде всего, – сам царский род, была резко обособлена от основной массы населения.

2.2 Расцвет микенской цивилизации: государственно-политическое устройство, хозяйство, внешние контакты ахейцев

Временем расцвета микенской цивилизации можно считать 15–13 вв. до н.э. В это время зона её распространения охватывала весь Пелопоннес, Центральную Грецию (Аттику, Беотию, Фокиду), значительную часть Северной (Фессалию), а также многие из островов Эгейского моря. На всей этой большой территории существовала единообразная культура, представленная стандартными типами жилищ, погребений, керамики и т. п., показывающими, что микенская Греция была процветающей страной с многочисленным населением, рассеянным по множеству поселков. Основными центрами микенской культуры были, как и на Крите, дворцы. Наиболее значительные из них были открыты в Микенах и Тиринфе, в Пилосе (Пелопоннес), в Афинах, Фивах и Орхомене (Центральная Греция), наконец, в Иолке (Фессалия на севере Греции). Почти все микенские дворцы были укреплены, представляя собой настоящие цитадели. Мощные стены микенских цитаделей, сооружённые из огромных каменных глыб без всякого связующего материала, свидетельствуют о высоком инженерном искусстве

ахейских зодчих. Греки более поздних времён считали, что эти стены были сложены одноглазыми великанами – циклопами (потому их называют циклопическими). Великолепным образцом микенских фортификационных сооружений может служить знаменитая Тиринфская цитадель на территории Арголиты, неподалеку от Микен.

Среди собственно дворцовых построек микенского времени наибольший интерес представляет хорошо сохранившийся «дворец Нестора» в Пилосе на западе п-ова Пелопоннес. Пилосский дворец при сходстве внутреннего убранства с дворцами Крита отличается от них чёткой и симметричной планировкой. Основные помещения дворца расположены на одной оси и образуют замкнутый прямоугольный комплекс. Неотъемлемой и наиболее важной частью любого микенского дворца является обширный прямоугольный зал – мегарон. В центре его находится большой круглый очаг, дым от которого выходил через отверстие в потолке. Вокруг очага стояли четыре деревянные колонны, поддерживавшие перекрытие. Стены были расписаны фресками. Именно в мегароне царь Пилоса пировал со своими вельможами и гостями. Здесь же устраивались официальные приёмы и аудиенции. Снаружи к мегарону примыкали два длинных коридора. В них выходили двери многочисленных кладовых, где было найдено несколько тысяч сосудов для хранения и перевозки масла и других продуктов. Во «дворце Нестора» имелись ванные комнаты, водопровод и канализационные стоки. В небольшой комнате вблизи от главного входа хранился дворцовый архив, насчитывавший свыше 600 глиняных табличек, исписанных знаками линейного слогового письма, судя по всему, происходящего от критского линейного слогового письма Б. Таблички хорошо сохранились благодаря тому, что попали в огонь пожара, от которого сгорел дворец.

К числу наиболее интересных архитектурных памятников микенской эпохи принадлежат величественные царские усыпальницы, именуемые «толосами» или «купольными гробницами». Толосы располагаются обычно вблизи от дворцов и цитаделей, служа, по всей видимости, местом последнего упокоения членов царствующей династии, как в более раннее время шахтные могилы. Самый большой из микенских толосов – так называемая гробница Атрея – находится в Микенах. Сама гробница скрыта внутри искусственного насыпного кургана. Внутри её ведёт длинный, облицованный камнем коридор-дромос. Вход в гробницу перекрыт двумя огромными каменными блоками. Внутренняя камера представляет собой монументальное, круглое в плане помещение с высоким (около 13,5 м) ульевидным сводом. Стены и свод гробницы выложены из великолепно отёсанных каменных плит и первоначально были украшены бронзовыми позолоченными розетками. С главной камерой соединяется боковая камера несколько меньших размеров, прямоугольная в плане и не так хорошо отделанная. По всей вероятности, именно здесь помещалось царское погребение, разграбленное ещё в древности.

Сооружение таких грандиозных построек, как «гробница Атрея» или Тиринфская цитадель, было невозможно без применения подневольного труда. Чтобы справиться с такой задачей, необходимо было иметь большую массу дешёвой рабочей силы и достаточно развитый государственный аппарат,

способный эту силу организовать. Очевидно, что владыки Микен и Тиринфа располагали и тем, и другим.

После того, как в 1952 г. англичанин М. Вентрис дешифровал и прочитал таблички пилосского, а также некоторые из табличек кносского архива, у историков появились основания для выводов о государственном устройстве ахейских царств и их хозяйстве. Все прочитанные документы были составлены на архаическом ахейском диалекте греческого языка, на котором говорило население микенской Греции во 2 тыс. до н. э. Использувавшееся в этих надписях линейное слоговое письмо Б было заимствовано ахейцами у минойцев и приспособлено для передачи информации на своём языке.

Прочитанные М. Вентрисом таблички представляют собой «бухгалтерские» счётные записи, которые из года в год велись в хозяйстве пилосского и кносского дворцов. Они заключают в себе ценнейшую историческую информацию, позволяя судить об экономике дворцовых государств микенской эпохи, их социальном и политическом устройстве. Мы узнаем, например, что в это время в Греции уже существовало рабство, и труд рабов широко применялся в различных отраслях хозяйства. Рабов мужчин было мало – упоминания о них редки. Их объединяли в отряды, насчитывавшие не более чем по 10 человек. Женщин-рабынь также объединяли в отряды, притом большие. При них были и их дети. Общее число женщин и детей во всех отрядах, известных только по одной группе надписей пилосского архива, должно было составлять около 1300 человек. Тот факт, что женщин-рабынь было больше, свидетельствует о сравнительно низкой ступени развития.

Наряду с обычными рабами в пилосских надписях упоминаются и так называемые «божьи рабы или рабыни». Возможно, они арендовали землю небольшими участками у общины (дамос) или у частных лиц, из чего можно заключить, что своей земли у них не было и, следовательно, они не считались полноправными членами общины, хотя не были, по-видимому, и рабами в собственном значении этого слова. Представители этой социальной прослойки видимо состояли в услужении при храмах главных богов Пилосского царства и пользовались покровительством храмовой администрации.

Значительная часть документов пилосского и кносского архивов посвящена учёту труда ремесленников: кузнецов, каменщиков, портных, плотников, горшечников, оружейников, золотых дел мастеров и даже парфюмеров. За свою работу они получали из дворцовой казны паёк, состоящий из ячменя и других продуктов. Неявка на работу отмечалась в особых документах. Некоторые из ремесленников, вероятно, считались «людьми дворца» и состояли на государственной службе. Их положение было, по всей видимости, ненамного лучше, чем положение женщин-рабынь. Другую категорию ремесленников составляли свободные общинники, для которых работа на дворец была лишь временной повинностью. Трудовыми повинностями такого рода как в Пилосе, так и в Кноссе облагалось население небольших посёлков, расположенных вокруг главного дворца и экономически от него зависевших. Ремесленники, привлекавшиеся на государственную повинность, не лишались личной свободы. Они могли владеть землей и даже рабами, как и все другие члены общины.

Особое положение среди ремесленников, работающих на дворец, занимали кузнецы. Так, в Пилосском царстве они были освобождены от поставок льна, считавшихся обязательными для всего остального населения. Все кузнецы, проживавшие на территории государства, находились под надзором дворцовой администрации. Необходимый им для работы металл они получали из казны дворца вместе с заданием на изготовление того или иного изделия. Кузнецам помогали рабы, которых им, видимо, тоже присылали из дворцового хозяйства.

В документах кносского и пилосского архивов дворцовое хозяйство микенской эпохи предстает перед нами как мощная, разветвлённая экономическая система, охватывающая всё общество. Государство монополизировало важнейшие отрасли ремесленного производства и установило строжайший контроль над распределением и потреблением сырья, прежде всего металла. Весь металл, находившийся как в распоряжении государства, так и в частных хозяйствах, тщательно взвешивался, учитывался и фиксировался писцами дворцового архива на глиняных табличках. Частное хозяйство находилось в податной зависимости от «государственного сектора» и играло при нём подчинённую роль. Таким образом, есть все основания считать, что в государствах ахейской Греции сложился способ производства, аналогичный азиатскому.

Основанное на принципах строжайшего учёта и контроля дворцовое хозяйство нуждалось для своего функционирования в бюрократическом аппарате. Факт существования такого большого количества глиняных табличек свидетельствует о существовании целого штата писцов, служивших непосредственно в дворцовой канцелярии и архивах. В самих табличках упоминаются многочисленные чиновники, ведавшие работами и наблюдавшие за выполнением повинностей.

Так, из документов пилосского архива мы узнаем, что во главе дворцового государства стоял человек, именуемый ванака, что соответствует позднему греческому ванакт, т.е. «господин», «повелитель», «царь». К сожалению, из документов ничего не известно о политических функциях и правах ванаки, но среди правящей знати он занимал особое, привилегированное положение. Принадлежащий царю земельный надел (теменос) в три раза превосходил земельные наделы других высших должностных лиц. В распоряжении его находилась многочисленная челядь. Среди чиновников высшего ранга одно из наиболее видных мест занимал лавагет, т.е. «воевода» или «военачальник». Кроме ванаки и лавагета в надписях упоминаются и другие должностные лица. В круг высшей знати, тесно связанной с дворцом и составлявшей ближайшее окружение ванаки, входили жрецы главных храмов, высшие военные чины, прежде всего – предводители отрядов боевых колесниц.

Вся территория Пилосского царства была разбита на 16 податных округов, во главе которых стояли наместники-коретеры, каждый из которых отвечал за исправное поступление в дворцовую казну поборов с вверенного ему округа. В подчинении у коретера находились базилеи – должностные лица низшего ранга, управлявшие отдельными поселениями, входившими в состав округа. Базилеи осуществляли надзор за производством. Сами коретеры и базилеи находились под

неусыпным контролем центральной власти. Дворец постоянно рассылал во все стороны вестников и курьеров, инспекторов и ревизоров.

Земледельцы и ремесленники были, судя по всему, политически бесправны и не принимали никакого участия в управлении государством. Ниже, чем они, стояли только рабы, занятые на различных работах в дворцовом хозяйстве.

Ахейские государства совершенно обособленное и независимое существование. Они находились в сложных отношениях между собой. Временами объединялись для совершения каких-либо совместных военных акций, как, например, для совершения похода на Трою. А временами враждовали и даже воевали. Мощные оборонительные стены дворца должны были надёжно защитить его обитателей от враждебного внешнего мира, и, прежде всего, – от ближайших соседей. К тому же греческие предания рассказывают о кровавых усобицах ахейских владык. Повествуется, например, о том, как семь царей Аргоса вмешались в борьбу между сыновьями фиванского царя Эдипа и пошли походом на Фивы, богатейший из городов Центральной Греции (Беотии), и после ряда неудачных попыток взяли и разрушили его. Раскопки показали, что дворец микенского времени в Фивах действительно был сожжен и разрушен в 14 в. до н.э., т. е. задолго до того, как погибли другие дворцы и цитадели.

В течение 14–13 вв. до н.э. многочисленные ахейские поселения появились на западном и южном побережьях Малой Азии, примыкающих к ним островах Родос и Кипр и даже на сиро-финикийском побережье Средиземного моря. Одним из наиболее значительных проявлений военной и колонизационной экспансии ахейцев в Малой Азии и Восточном Средиземноморье была Троянская война.

Главным плацдармом в продвижении ахейцев на восток и на юг стал колонизованный ими после гибели минойской цивилизации Крит. Ахейцы вскоре становятся весьма заметной политической силой в этом регионе. В западной части Малой Азии или на прилегающих островах возникло государство, которое хетты в своих документах называли «Аххиява». Правители Аххиявы поддерживали тесные дипломатические контакты с хеттскими царями.

На рубеже 13–12 вв. до н.э. отряды ахейцев принимали участие в набегах коалиции «народов моря» на Египет. В египетских надписях, повествующих об этих событиях, упоминаются наряду с другими племенами народы акайваша и данауна, что может соответствовать греческому ахайвой и данаой – обычным наименованиям ахейцев у Гомера.

2.3 Гибель Микенской цивилизации

Последние десятилетия 13 в. до н.э. были временем крайне тревожным и беспокойным. В Микенах, Тиринфе, Афинах и других местах спешно восстанавливались старые и возводились новые укрепления. Была воздвигнута массивная циклопическая стена на Истме – узком перешейке, связывающем Среднюю Грецию с Пелопоннесом, рассчитанная на то, чтобы оградить микенские государства на юге Балканского полуострова от какой-то опасности, надвигавшейся с севера. На одной из фресок пилосского дворца, созданной незадолго до его гибели, изображено кровопролитное сражение, в котором участвуют, с одной стороны, ахейские воины в панцирях и характерных рогатых шлемах, с другой – какие-то варвары, одетые в звериные шкуры, с длинными

распущенными волосами.

В конце 13 в. до н.э. огромная масса варварских племён, включавшая в себя как народы, говорившие на дорийском и близких к нему западногреческих диалектах, так и народности негреческого, фракийско-иллирийского происхождения, снялась с насиженных мест и устремилась на юг, в богатые и процветающие области Средней Греции и Пелопоннеса, а также в Малую Азию. На своём пути пришельцы захватили и разрушили множество микенских поселений. Погиб в огне пожара пилосский дворец, а место, на котором он стоял, было предано забвению. Цитадели Микен и Тиринфа, вероятно, смогли выстоять, но начался процесс их медленного угасания.

В столкновениях с захватчиками были уничтожены многие члены правящих ахейских династий, их воины, а также широкие круги населения. Выжившие же во дворцах царские семьи постепенно утратили своё господствующее положение. Немногочисленные остатки сохранившегося населения в критической ситуации вражеского нашествия вышли из-под их контроля. Стали возрождаться более древние внутривплемённые и общинные связи, позволявшие эффективнее защитить и обеспечить хотя бы минимальную поддержку каждому из них. С исчезновением дворцовых центров гибнет государственность, исчезает дворцовое хозяйство, забывается утратившее по этой причине свою необходимость линейное письмо. Уцелевшая в ходе нашествия часть ахейского населения покидала насиженные места, скрываясь в малопригодных для жизни неосвоенных районах, остановилась хозяйственная жизнь, прекратились любые торговые контакты.

Завоеватели-дорийцы, стоявшие на уровне разложения первобытно-общинных отношений, не нуждались в достижениях цивилизации, могильщиками которой оказались. Греция в своём историческом развитии была отброшена на столетия назад – к временам, предшествовавшим зарождению микенской цивилизации. Оно деградировало к возрождению родовых отношений и доминированию институтов военной демократии. Однако история не знает абсолютного регресса – дорийцы принесли с собой металлургию железа, с которым ахейские ремесленники не работали.

Важно отметить, что дорийское нашествие нельзя рассматривать только как движение этого единственного племени на юг Балканского полуострова. События, происходившие в Греции в конце 2 тыс. до н.э. синхронны аналогичным процессам, которые прослеживаются во всём Северном Средиземноморье того времени. Эта миграционная эпоха сопровождалась радикальными переменами в образе жизни многочисленных племён и народов региона, их перемещениями, приведшими к разрыву экономических связей и снижению культурного уровня населения.

Хозяйству ахейских государств был нанесён непоправимый ущерб. Об этом свидетельствует стремительный упадок ремесла и торговли в районах, наиболее пострадавших от вторжения, а также резкое сокращение численности населения. Таким образом, на рубеже 13–12 вв. до н.э. микенская цивилизация перенесла страшный удар, после которого она уже не смогла оправиться.

Дальнейший ход событий во многом неясен. Основная часть варварских племён, принимавших участие во вторжении, по-видимому, не удержалась на

захваченной ими территории и отхлынула обратно на север, на свои исходные позиции. Лишь небольшие племенные группы дорийцев и родственников им западногреческих народностей обосновались в прибрежных районах Пелопоннеса. Отдельные островки микенской культуры продолжали существовать вперемежку с вновь основанными поселениями пришельцев вплоть до конца 12 в. до н.э. В этот же период наблюдается массовая эмиграция с территории Балканской Греции на восток – в Малую Азию и на близлежащие острова. В колонизационном движении принимали участие уцелевшие остатки ахейского населения, которые стали именоваться ионийцами и эолийцами, а также дорийские новопоселенцы. Результатом этого движения было образование на западном побережье Малой Азии и на близлежащих островах множества новых поселений.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫНА